Введение

Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта

Ближний Восток и Северная Африка уже давно воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2011 гг., получившие название Арабской весны, и последующие за этим пертурбации и конфликты вполне вписались в логику истории бурных событий данного региона, хотя стали для него шоком. В самом деле, неожиданность и энергичность социального взрыва, географическая масштабность Арабской весны «от Океана до Залива», синхронность социальных волнений, преобладающая на первых порах социально-политическая (а не межэтническая или межконфессиональная) направленность событий не могли не впечатлять.

Сначала, конечно, была некоторая эйфория, заставлявшая все воспринимать со знаком безусловного прогресса. Журналист Дж. Ярон в этой связи писал: «Наконец-то на Ближнем Востоке совершается история». Однако жизнь показала, что арабские страны все еще во многом являются объектами геополитики, а их попытки стать ее субъектами либо подавляются, либо используются более сильными государствами в собственных целях. Но, без сомнения, 2010-е гг. показали, что роль арабских стран все-таки растет.

И это действительно стало новым явлением для Ближнего Востока. Регион входит в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-

Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом. При этом формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от внешне незаметных (например, в Саудовской Аравии) до внезапных и бурных (например, в Йемене).

Арабская весна оказала существенное влияние на реконфигурацию всего ближневосточного региона. Дело не только в том, что процессы социально-политической дестабилизации затронули в той или иной степени практически все арабские страны. Дело скорее в том, что наметился тренд на изменение самой структуры как горизонтальных (между региональными игроками), так и вертикальных (между региональными и глобальными игроками) взаимоотношений.

Обнажившийся кризис поставил местные элиты перед необходимостью впервые за многие годы не просто следовать предписанным извне «правилам игры», но и пытаться выработать свои «правила». При этом отсутствие достаточного опыта и ответственности за проводимую региональными игроками политику, а также склонность к решению проблем наиболее радикальным путем пока приводят лишь к росту конфликтогенности на Ближнем Востоке.

При этом роль традиционных элит оказалась под сомнением внутри государств, вызвав усиление конкуренции и борьбы за власть, превращаясь в новый фактор нестабильности. Сложившаяся иерархия внутри правящих элит стала перерождаться в открытое поле соперничества. Подобная конфигурация повысила роль, амбиции и в некоторой степени самостоятельность традиционных и новых претендентов.

Однако эта конкуренция за власть внутри элит обладает своими характерными чертами, которые также приводят к росту конфликтогенности в регионе. Среди них выделяются прежде всего три: ярко выраженный личностный окрас, отсутствие достаточного опыта и ответственности за проводимую политику и склонность к решению проблем наиболее радикальным путем, что неминуемо порождает стремление к упрочению своих позиций внутри стран демонстрацией военной силы, что обозначило отход от традиционной практики мирного разрешения споров между соседями к диктату и даже военным интервенциям. Неудивительно, что побочным эффектом региональной самостоятельности становится высокий уро-

вень милитаризации Ближнего Востока, что делает его потенциально еще более взрывоопасным.

В первой главе монографии А.В. Коротаев и Л.М. Исаев анализируют события в Египте после начала Арабской весны и до 2013 г. Именно этот период времени характеризовался борьбой внешних региональных акторов за влияние в стране Пирамид. С этой целью авторами была рассмотрена экономическая политика исламистов, а также пришедшего им на смену кабинета Хазема ал-Библави. В работе показано, что перевороту 3 июля 2013 г. предшествовала достаточно серьезная подготовительная работа по привлечению в страну внешних финансовых ресурсов, прежде всего из ОАЭ и Саудовской Аравии, что во многом говорит о спланированности событий лета 2013 г. Кроме того, авторами делается вывод о том, что на фоне египетского кризиса проявился раскол между аравийскими монархиями: Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Кувейтом и ОАЭ, с другой.

Во второй главе, подготовленной Л.М. Исаевым, рассматривается реконфигурация миропорядка на Аравийском полуострове. Подчеркивается, что после начала событий Арабской весны и слома действовавшей вплоть до 2011 г. системы сдержек и противовесов в регионе Эр-Рияд столкнулся с необходимостью проведения более независимой политики на Ближнем Востоке. Причем эта самостоятельность обладает своими характерными чертами, которые приводят к росту конфликтогенности в регионе. Среди них выделяются прежде всего три: ярко выраженный личностный окрас, отсутствие достаточного опыта и ответственности за проводимую ими политику и склонность к решению проблем наиболее радикальным путем. В результате авторы приходят к выводу о том, что участие Эр-Рияда в целом ряде конфликтов может обернуться против самой Саудовской Аравии, которая оказывается во враждебном окружении. На севере – Сирия с удержавшимся у власти баасистским правительством. На востоке – проблема шиитского населения, многие из представителей которого только и ждут какой-либо вспышки, чтобы бросить вызов суннитской монархии. Там же катарский кризис, который, по всей видимости, будет иметь затяжной характер. Потеря контроля над Югом Йемена может сделать ситуацию и вовсе непредсказуемой. Да и внутренняя обстановка в Саудовской Аравии нестабильна и в обозримом будущем скорее всего будет

накаляться ввиду назревающего поколенческого обновления политической элиты и обострения борьбы за власть.

В третьей главе, подготовленной А.В. Коротаевым и Т.Р. Хайруллиным, рассматривается становление и развитие турецко-катарско-ихванского альянса, как одного из наиболее серьезных претендентов за лидерство на Ближнем Востоке. Авторами исследуется предыстория особых отношений между Катаром и «Братьями-мусульманами», уходящая корнями в 50-е – 60-е гг. XX века. Также достаточно детально рассмотрены отношения между Катаром и Турцией, а также роли идеологии умеренного исламизма, оказавшей существенное влияние на сближение двух стран. Авторы приходят к выводу о том, что в первые годы Арабской весны Катару и Турции альянсу удалось бросить в 2010–2012 гг. довольно впечатляющий вызов другим региональным игрокам после того, как они объединили свои силы, добавив к ним огромный политический потенциал панарабской Ассоциации «Братьев-мусульман». Однако в 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось провести довольно успешное контрнаступление. Его центральным элементом стало свержение правительства «Братьев-мусульман» в Египте, осуществленное в союзе с египетскими военными и некоторыми другими внутренними египетскими и международными силами.

В четвертой главе, написанной К.В. Семеновым и А.В. Коротаевым, рассматривается сирийский кризис. Авторы отмечают, что сложность и долгоиграющий характер гражданского конфликта в Сирии во многом предопределяется крайне высокой степенью вовлеченности внешних акторов, в первую очередь региональных. Авторы показывают, что за восемь лет после начала сирийской революции антагонизм региональных держав, выступивших в поддержку оппозиции и против режима аль-Асада, лишь усилился. Пройдя через этапы соперничества и взаимодействия, после второго катарского кризиса они окончательно стали по разные стороны, поддерживая взаимно враждебные силы. При этом, безусловно, при всем лавировании политика турецко-катарского альянса в Сирии была гораздо более последовательна, чем линия Саудовской Аравии, которая на разных этапах делала ставку на различные силы, в итоге придя к поддержке руководимого курдами

альянса, с которым изначально не поддерживала каких-либо контактов.

Пятая глава, подготовленная Л.М. Исаевым и К.В. Семеновым, фокусируется на йеменском кризисе. Авторы показывают, что практически с самого начала йеменского конфликта в 2011 г. региональные державы, прежде всего, страны-члены Совета сотрудничества арабских государств персидского залива начали играть одну из первостепенных ролей в Йемене. Особое внимание уделяется выявлению причин, приведших к военной интервенции коалиции во главе с Саудовской Аравией в 2015 г. В частности, авторы приходят к выводу о том, что одна из первостепенных задач, которую ставил перед собой Эр-Рияд, заключалась в обеспечении контроля над регионом Красного моря, которому уделяется важнейшая роль в реализации программы «Видение 2030». Также авторами поднимается еще одна немаловажная проблема – конфликт между Саудовской Аравией и ОАЭ в Йемене. Авторы приходят к выводу о том, что обе страны по сути опираются на противоборствующие друг другу внутрийеменские силы, что в свою очередь не только усложняет поиск компромисса, но и способствует дезинтеграционным процессам в Йемене.

Шестая глава, подготовленная Л.М. Исаевым и А.А. Захаровым, посвящена ситуации вокруг курдов, которые после Арабской весны выступили в роли одного из наиболее сильных региональных игроков, открыто оспаривающих уже десятилетиями существующий в региональный миропорядок. Тем не менее авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время есть целый ряд обстоятельств, которые не позволяют говорить о реальном самоопределении не только для всего Курдистана, но даже его наиболее автономной части - Иракского Курдистана. Подтверждением тому стал референдум 2017 г. о самоопределении Иракского Курдистана. Его закономерным результатом стало фиаско, которое потерпел курдский лидер Масуд Барзани и которое не только ухудшило отношения курдов с Багдадом, до референдума складывающиеся отнюдь не плохо, но и усугубило противоречия внутри самих курдов.

Н.А. Кожанов и А.Г. Мардасов в седьмой главе рассматривают иранский опыт борьбы лидерство на Ближнем Востоке после событий Арабской весны. Авторы утверждают, что применительно к политике Тегерана некорректно говорить об экспансии в регионе

Ближнего и Среднего Востоке. Речь скорее идет о реакционистской стратегии Исламской Республики на весьма агрессивную политику со стороны Соединенных Штатов и их союзников в регионе после прихода к власти Дональда Трампа. Отдельное внимание уделяется влиянию санкций на иранскую ближневосточную политику. Авторы отмечают, что санкционное давление не принесет особых изменений. Ключевым направлениями для Ирана на Ближнем Востоке останутся необходимость борьбы за свои интересы в Ираке, Сирии и Ливане, периодические провокативные действия в отношении Израиля, а также сдерживание агрессии, исходящей по отношению к Тегерану со стороны саудовцев и их союзников. Непростым останется диалог Тегерана с Анкарой. По мере активизации процесса политического урегулирования в Сирии, следует ожидать возникновения новых точек напряженности в диалоге между Москвой и Тегераном.